

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<https://doi.org/10.5281/zenodo.10021594>
УДК 801.612

Кошевская А.Ю.

Кошевская Анна Юрьевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель, Московский государственный лингвистический университет, Россия, 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38 с. 1. E-mail: castrensiana@mail.ru.

Ритмизация прозы в образовании античного оратора

Аннотация. Статья посвящена реконструкции места приема ритмизации прозы по образцу количественного метра в системе античного риторического образования. Анализируются как косвенные данные, указывающие на тесную связь математических моделей с искусством в античной философии и эстетике (напр., упоминание ритмических структур в комедиях Аристофана), так и прямые свидетельства античных риторов (Аристотель, Цицерон, Квинтилиан и др.). Сделан вывод о необходимости формирования заранее подготовленного ритмического инструментария в процессе обучения ораторов, что подтверждается наличием «каталогов клаузул», составленных римскими грамматиками.

Ключевые слова: ритм прозы, клаузулы, риторика, античное образование, латинский язык, древнегреческий язык.

Koshevskaja A.Y.

Koshevskaja Anna Yurievna, Ph.D., Senior Lecturer, Moscow State Linguistic University, Russia, 119034, Moscow, Ostozhenka str., 8 с. 1. E-mail: castrensiana@mail.ru.

Rhythm of prose in the education of the ancient orator

Abstract. The article deals with the reconstruction of the place of rhythm of prose based on the model of quantitative meter in the ancient rhetorical education. The indirect evidence indicating the close connection of mathematical models with art in ancient philosophy and aesthetics (for example, the mention of metrical structures in the comedies of Aristophanes), as well as the direct evidence of ancient rhetoricians (Aristotle, Cicero, Quintilian, etc.) was analysed. As a result a conclusion was made that it was necessary to form a rhythmic «vocabulary» for young orator, which is confirmed by the «catalogues of clausulae», compiled by Ancient Roman grammarians.

Keywords: rhythm of prose, clausulae, rhetorics, ancient education, Latin, Ancient Greek.

Ритм древнегреческой и латинской прозы, а также его частное проявление – клаузулы, является сложным, многоаспектным явлением; его изучение тесно связано с латинской метрикой, просодией, исторической фонетикой, а также стилистикой и критикой текста.

Теоретическое изучение ритмики прозы зародилось одновременно со своим предметом: первыми теоретиками были, по всей видимости, древнегреческие софисты, внедрившие этот стилистический прием в риторическую прозу [5, С. 18-20]. С другой стороны, античных раторов мало интересовала природа этого явления: все сочинения как древнегреческих, так и римских теоретиков риторики носят исключительно практико-ориентированный характер.

Вопрос о существовании специальных ритмических законов, а также степени обусловленности употребления клаузул (ритмизованного завершения конца колоны) в древнегреческой и латинской прозе этими законами лежит за пределами проблематики настоящей работы. Мы же исходим из предположения, что ритмизация прозы была относительно произвольным стилистическим средством; доказательства этому приведены в работах отечественных исследователей [3, С. 144-150].

С другой стороны, такой подход порождает новый круг проблем: как и в каком объеме этот прием обсуждался в риторических школах, каким образом молодой оратор отрабатывал навык ритмизации текста, а главное – позволял ли полученный навык ритмически оформлять спонтанную речь, произнесенную экспромтом.

В сферу риторики термин «ритм» (др. греч. *ῥυθμός*) был перенесен, по всей видимости, софистами; косвенным свидетельством может служить слова Сократа, персонажа комедии Аристофана «Облака», в сцене его диалога со Стрепсиадам:

{Σω.} ἄγε δὴ, τί βούλει πρῶτα νυνὶ μανθάνειν ὧν οὐκ ἐδιδάχθης πάποτ' οὐδέν; εἰπέ μοι πότερον περὶ μέτρων ἢ περὶ ἐπῶν ἢ ῥυθμῶν;
<...>

{Σω.} οὐ τοῦτ' ἐρωτῶ σ', ἀλλ' ὅτι κάλλιστον μὲν

ἦγεῖ, πότερον τὸ τρίμετρον ἢ τὸ τετράμετρον;
<...>

{Σω.} εἰς κόρακας. ὡς ἄγροικος εἶ καὶ δυσμαθής.

ταχύ γ' ἂν δύναιο μανθάνειν περὶ ῥυθμῶν.

<...>

{Σω.} πρῶτον μὲν εἶναι κομψὸν ἐν συνουσίᾳ, ἐπαῖονθ' ὁποῖός ἐστι τῶν ῥυθμῶν

κατ' ἐνόπλιον, χῶπιός αὖ κατὰ δάκτυλον.

(*Aristoph. nubes. 636-651*)

«[Сократ] Ну, что же ты теперь хочешь в первую очередь изучить из того, чего ты никогда прежде не учил? Скажи мне. Может, о метрах, или о содержании, или о ритме? <...> Не об этом речь, а о том, какой метр ты считаешь самым красивым? Может, триметр или тетраметр? <...> К черту это. Какой же ты грубый и безграмотный! Тогда тебе нужно поскорее взяться за изучение ритмов. <...> Во-первых, [чтобы] быть в общении более изысканным, различающим на слух, какой из ритмов построен на просодиаке, а какой на дактиле» (перевод автора статьи).

Приведенный фрагмент свидетельствует о том, что ритмика входила в программу софистического образования; при этом, хотя Аристофан не углубляется в эту сторону обучения риторике, можно также предположить, что на первом этапе будущему оратору было важно научиться различать ритмы на слух (ἐπαίῳ).

Достоверно известно также, что ритм прозы, равно как и учение о квантитативной метрике, входил в обязательную программу образования в поздней античности, служа своего рода «мостом» между «филологическим» тривиумом и «математическим» квадриумом [1, С. 142]. Для классического периода таких данных, к сожалению, нет; тем не менее место клаузул в системе риторического образования того времени можно попытаться реконструировать.

Грекоязычное образование «золотого века» римской культуры (I в. до н. э.), как полагает И. Адо, было ориентировано на систему платоновской Академии [1: 49-51]. Платоновская и неоплатоническая философия в значительной мере опиралась на древний пифагорейский культ числа; характерным примером такой философии может служить, напр., миф о состязании Калхаса и Мопса в интерпретации Гесиода:

Θαῦμά μ' ἔχει κατὰ θυμόν, ἐρινεὸς ὅσον ὀλύνθων
οὗτος ἔχει μικρὸς περ ἐών· εἴποις ἄν ἀριθμόν;

μύριοι εἴσιν ἀριθμόν, ἀτὰρ μέτρον γε μέδιμνος·
εἷς δὲ περισσεύει, τὸν ἐπενθέμεν οὐ κε δύναιο.
ὥς φάτο· καί σφιν ἀριθμὸς ἐτήτυμος εἶδετο μέτρον·
καὶ τότε δὴ Κάλχαντα τέλος θανάτοιο κάλυψεν.

(Hes. fr. 160 (Rzach))

*«Мне изумление душу объемлет: на древе столь низко
Смоквы в таком изобилии выросли. Сосчитать их попробуй!»
«Десять тысяч плодов – их мера медуны составляет.
Лишняя смоква одна, но ее не сумеешь исчислить».
Так он сказал. Измеренья число оказалось точным.
Смерти тогда забытье укрыло навеки Калханта».*

(пер. О. П. Цыбенко)

То же у Страбона:

λέγεται δὲ Κάλχας ὁ μάντις μετ' Ἀμφιλόχου τοῦ Ἀμφιαράου κατὰ τὴν ἐκ Τροίας ἐπάνοδον περὶ δένδρον ἀφικέσθαι, περιτυχὼν δ' ἑαυτοῦ κρείττονι μάντει κατὰ τὴν Κλάρων, Μόψῳ τῷ Μαντοῦς τῆς Τειρεσίου θυγατρὸς, διὰ λύπην ἀποθανεῖν. Ἡσίοδος μὲν οὖν οὕτω πως διασκευάζει τὸν μῦθον· προτείνει γὰρ τι τοιοῦτο τῷ Μόψῳ

τὸν Κάλχαντα “θαῦμά μ' ἔχει κατὰ θυμόν, ὅσους ἐρινεὶδὸς ὀλύνθους “οὗτος ἔχει μικρὸς περ ἐών· εἴποις ἄν ἀριθμόν;” τὸν δ' ἀποκρίνασθαι “μύριοι εἴσιν ἀριθμόν, ἀτὰρ μέτρον “γε μέδιμνος· εἷς δὲ περισσεύει, τὸν ἐπενθέμεν οὐ κε δύναιο. ὥς φάτο· καί σφιν ἀριθμὸς ἐτήτυμος εἶδετο μέτρον. καὶ τότε δὴ Κάλχανθ' ὕπνος θανάτοιο κάλυψε.” Φερεκύδης δὲ φησιν ἔν προβαλεῖν ἔγκυον τὸν Κάλχαντα πόσους ἔχει χοίρους, τὸν δ' εἰπεῖν ὅτι τρεῖς, ὧν ἓνα θῆλυον· ἀληθεύσαντος δ' ἀποθανεῖν ὑπὸ λύπης. οἱ δὲ τὸν μὲν Κάλχαντα προβαλεῖν τὴν ἔν φασι τὸν δὲ ἐρινεόν, καὶ τὸν μὲν εἰπεῖν τάληθες τὸν δὲ μή, ἀποθανεῖν δὲ ὑπὸ λύπης καὶ κατὰ τι λόγιον. (Strab. XIV 1.27)

«По преданию, прорицатель Калхант с Амфилохом, сыном Амфиарая, возвращаясь из-под Трои, пришел сюда пешком, но, встретив поблизости от Клара прорицателя более могучего, чем он сам, именно Мопса, сына Манто, дочери Тиресия, умер с горя. Гесиод излагает миф приблизительно так, заставив Калханта предложить Мопсу такой вопрос:

Чудо, сколь много плодов на сей смоковнице дикой,

Хоть малорослое древо; но можешь ли счесть мне число их?

А Мопс ответил:

Десять тысяч числом, но мера равна их медуны.

Так он сказал: и число и мера плодов оказалась точной.

Очи Калханта тогда смертельная дрема смежила.

Однако, по словам Ферекида, Калхант задал вопрос о супоросой свинье: сколько у нее поросят? Мопс ответил, что у свиньи 3 поросенка, из них одна свинка; когда предсказание оправдалось, Калхант умер с горя. Другие же, наоборот, утверждают, что Калхант задал вопрос о свинье, а Мопс — о дикой смоковнице; и последний сказал правду; первый — нет и умер с горя и согласно предсказанию оракула». (пер. Г. А. Стратановского)

В приведенных фрагментах реализуется философское понимание предметов и явлений действительности как математически упорядоченных множеств [4, С. 534-535]), а потому ритм прозы (называемый по-латински *numerus*) должен был занимать значительное место в общем курсе риторики. Кроме того, судя по тому, что все риторы-теоретики (по крайней мере, Аристотель (*Arist. rhet. 1409a*), Цицерон (*Cic. orat. 212-218*), Дионисий (*D. N. comp. 17-18*) и Квинтилиан (*Quint. inst. IX 4.48*)) указывали на значительное сходство прозаического ритма с поэтическим метром, освоение этого риторического средства опиралось именно на навыки стихосложения; хотя изучение грамматики и литературы не входило в учебную программу Академии времен Платона, в Новой Академии (т. е. примерно с III в до н. э.) уже проявлялись зачатки будущего тривиума [1: 54-60].

С другой стороны, столь подробные описания ритма прозы, представленные в сочинениях скорее научного жанра, указывают на то, что учение о ритме прозы было рассчитано на довольно опытного оратора, уже освоившего основы риторического искусства, а не на новичка. Несомненно, что оратор опирался на свои познания в метрике, и весьма вероятно, что отработка навыка ритмизации также строилась на принципе подражания образцовым текстам. В то же время обучение стихосложению и обучение ритмизации прозы имеют совершенно разные практические цели: поэтический текст почти всегда предполагает хотя бы минимальную стилистическую обработку, в любом случае являясь заранее подготовленным. Для оратора же

необходимы развитые навыки спонтанной речи; несмотря на то, что ритм прозы не требует такой выверенной точности, как стихотворный размер, экспромт в объеме даже двух-трех стоп требовал бы незаурядных усилий.

Все это может указывать на то, что, помимо практических навыков ритмизации, ораторы использовали заранее заготовленные ритмические модели. По всей видимости, эти модели базировались в основном на грамматической структуре фразы, ведь клаузула приходится как раз на конец предложения и *словоформы*, т. е. в значительной части на формообразующие аффиксы, характеризующиеся относительной ритмической однородностью для большинства слов одной части речи (т. к. одни и те же суффиксы и окончания, охватывающие 2-3 последних слога словоформы, будут иметь в любом случае одинаковую просодию).

С другой стороны, стабильность ритмического инструментария оратора могла поддерживаться и на лексическом уровне: коль скоро, как свидетельствует Аристотель (*Arist. rhet. 1409a*), функционал клаузул состоял в обеспечении членности и связности текста, т. е. был близок функциям метатекстовых средств [2: 402-421] (напр., вводных слов) в новых языках, кажется закономерным предположить, что в логической структуре текста на позицию клаузулы приходились именно вводные конструкции, что позволяло оратору использовать готовую, заранее заготовленную ритмическую структуру. На это указывают также появившиеся в поздней античности «каталоги клаузул», составленные Цезием Бассом, Мари-ем Плотием Сацердотом и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адо И. Свободные искусства и философия в античной мысли. М., 2002. 448 с.
2. Вежицка А. Метатекст в тексте. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.8. Лингвистика текста. М., 1978. С. 402-421.
3. Кошевская А. Ю. Новый подход к выделению клаузул в прозе Цицерона: опыт ритмического анализа «Катилинарий» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. №5. 2021. С. 144-153.
4. Лосев А. Ф. История античной эстетики. М., 2000. 624 с.

-
5. Groot A. W. de. Der antike Prosarhythmus. Zugleich Fortsetzung des Handbook of Antike Prose-Rhythm. Groningen, Haag, 1921. 114 p.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Ado I. Liberal arts and philosophy in ancient thought. M., 2002. 448 p.
2. Vezhbitska A. Metatext in the text. // New in foreign linguistics. Issue 8. Linguistics of the text. M., 1978. pp. 402-421.
3. Koshevskaya A. Yu. A new approach to the allocation of clauses in Cicero's prose: the experience of rhythmic analysis "Catilinary" // Bulletin of the Moscow University. Series 9: Philology. No.5. 2021. pp. 144-153.
4. Losev A. F. History of ancient aesthetics. M., 2000. 624 p.
5. Groot A. W. de. Der antike Prosarhythmus. Zugleich Fortsetzung des Handbook of Antike Prose-Rhythm. Groningen, Haag, 1921. 114 p.

Для цитирования:

Кошевская А.Ю. Ритмизация прозы в образовании античного оратора // Гуманитарный научный вестник. 2023. №9. С. 34-38. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2023/09/Koshevskaja.pdf>